

1. Дежина И. «Утечка умов» из России: мифы и реальность, Журнал «Науковедение», 2002 г.
2. Долгих Е.И. Эмиграция из России, 2004 г. <http://www.portalus.ru/>
3. Зайончковская Ж.А. Эмиграция в дальнее зарубежье <http://www.socio.ru/wr/2-03/Zaj.htm>
4. Иноземцев В.Л.: Иммиграция: новая проблема нового столетия, Социологические исследования, 2003, № 4.
5. Иношин В. Российская эмиграция 2005г. http://zvezda.ru/prm_341.htm
6. Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53–65.
7. Хрусталева Н. <http://finoved.madistudio.com/index.php?idm=27&op=main&idcont=110>

ПОСАЖЕННИКОВА АННА ОЛЕГОВНА

менеджер по обучению, оценке и развитию персонала ЗАО «Евросиб СПб – ТС», соискатель
СПбГИПСР

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И УРОВНИ РАЗВИТИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РАННЕЙ ЮНОСТИ

Постановка проблемы исследования нравственного сознания, датируемая серединой прошлого века, ознаменовалась изменениями в развитии отечественной психологии: предмет исследования дополняется изучением содержательной части психического, появляются работы, в которых указывается на необходимость изучения содержательной стороны личности. Проблема изучения нравственного сознания личности становилась более актуальной на фоне повышенного интереса к феномену человека, исторические события XX века поставили перед наукой вопрос о становлении человеческого в человеке, о важности сохранения человеческой уникальности [1; 2].

В теоретическом плане проблема нравственного сознания личности разработана недостаточно, с одной стороны, по причине необходимости привлечения междисциплинарного подхода (этика, социология), с другой – по причине оценочной перегрузки понятия нравственности и сложности согласования точек зрения исследователей на понимание феномена нравственности.

Такая позиция привела к тому, что различные аспекты нравственного сознания изучались в психологии изолированно, в отрыве друг от друга. Отдельно исследовались моральные суждения – когнитивный компонент нравственности в работах Ж. Пиаже, Л. Колберга, Е. Субботского.

Исследования Л.П. Стрелковой, А.Д. Кошелевой, И.С. Клециной, В.В. Абраменковой были посвящены социальным эмоциям и гендерным аспектам их генезиса как главным предпосылкам нравственного развития.

А.Л. Журавлев обобщает результаты исследования Л. Колберга с выделением трех уровней морального развития личности:

1) доморальный уровень, когда ребенок руководствуется своими эгоистическими побуждениями;

2) уровень конвенциональной морали, для которого характерна ориентация на заданные извне нормы и требования;

3) уровень автономной морали, то есть ориентации на интернализированную внутреннюю систему этических принципов.

При этом уровни морального развития, по Л. Колбергу, диагностируются в соответствии с социально-психологическим критерием, представленным в прямой или косвенной форме. Для определения уровня морального развития, на котором может находиться та или иная личность, требуется ее обязательное *соотнесение с другим* в системе Я – Другой, то есть оценка в соответствии с социально-психологическим критерием [4, с. 50].

Регулятивная роль нравственного сознания, по данным И.С. Кона, состоит в оценке и соотнесении планируемых и осуществляемых действий с существующими эталонами, нравственными нормами и принципами. Наличие нравственного сознания позволяет выходить человеку за пределы текущей ситуации, актуальных мотивов, соотносить и оценивать себя с более широким культурным контекстом, с общечеловеческими нравственными нормами. Это обеспечивает возможность преодолеть эгоцентризм и реализовать отношение к «другому» как к самому себе [6, с. 89].

В проведенном нами исследовании рассматривался один из аспектов нравственного развития личности – уровни развития нравственных суждений. Под нравственными суждениями подразумевается система убеждений личности, понимание нормативной стороны поведения в

отношении окружающих людей, представления о «должном» и «недолжном» в поведении относительно других людей и самого человека.

Юношеский возраст как важнейший этап в развитии личности во многом определяется адекватным формированием базовых нравственных установок и суждений как ядра личности. Нередко в этот период приятели начинают играть все более важную роль и даже становятся «значимыми другими» в процессе освобождения от опеки взрослых, в частности, и потому что именно в этот период начинается «Я–концептуальная» интеграция того смысла, который общество связывает с сексуальными действиями [10].

При этом следует учитывать гендерные особенности стереотипов в воспитании представителей различных полов. Так, воспитание мальчиков ведется нередко с акцентированием на жесткости решительности, с исключением эмпатических черт как излишней «сентиментальности»: «*Ты же мужчина, дай сдачи*» и т.п. С другой стороны, социальное одобрение вызывает очевидная поддержка родителями у девочек эмпатии и ориентированности на заботу о других людях: «*Хозяйюшка какая, так и мужу своему готовить будешь!*» [5].

Действительно, с наступлением периода полового созревания резко меняется линия поведения юношей. Они утрачивают «самоутверждающуюся» грубость и, более того, когда встречаются с представительницами противоположного пола один на один, нередко конфузятся. В этот период многие подростки обоих полов исключительно чувствительны к своему внешнему виду и часами рассматривают себя в зеркале. Как показали исследования, самая низкая степень удовлетворения своим внешним обликом имеет место у девочек в 13 лет, а у мальчиков – в 15; после чего удовлетворенность собой стабильно возрастает [7].

Вместе с тем при переходе рубежа 15 лет, как утверждает И.В. Дубровин, обнаружена тенденция к сокращению юношей, обладающих социально адекватными представлениями, тогда как у девушек наблюдается обратная картина. По-видимому, данная тенденция у девушек подкрепляется и чисто физическими причинами – яркой выраженностью у них циклической обратной связи между отрицательными эмоциями и доминантой левого полушария, связанного с функциями сознания (как компонента интеллекта). Для юношей – это время колебаний между кипучей деятельностью и душевным равнодушием и/или полной апатией, между неумной радостью и/или унынием и даже отчаянием, между дерзостью и боязливостью, между отвагой и трусостью, между идеализмом и прагматизмом [3, с. 158–159].

В этом возрасте у юношей появляются и первые сексуальные переживания, достаточно отдаленные от аналогичных переживаний у девушек. Так, Г. Крэйг констатирует, что девушки значительно превосходят юношей в вербальных навыках и уверениях, что интимность важнее секса, тогда как юноши – в пространственном воображении и

твердой убежденности, что сексуальные отношения несравнимо важнее интимности [7, с. 144].

Для данного возрастного периода характерно спокойное рассмотрение противоречащих фактам ситуаций, поэтому нередко увлечением становятся виртуальные миры Интернета и/или научной фантастики, эксперименты с оккультизмом, культурами или экстремальными состояниями интеллекта, вызванными любым способом от дискотеки до наркотиков [10, с. 389]. По-видимому, кризис этого возраста может быть объяснен, прежде всего, противоречивостью гендерного самоопределения юношей и девушек.

Показательно, что именно в 14–15 лет у девушек наблюдается статистически достоверное снижение интереса к высказываниям о любви и будущей семейной жизни, тогда как у юношей этого же возраста число высказываний на эту тему уменьшается лишь к 16 годам [3, с. 60–63].

И тем не менее, как замечает Грэйс Крэйг, «юность является периодом интеллектуального опьянения» [7, с. 145]. Поэтому характерным здесь можно считать уже более или менее спокойное отношение к другому полу и обострение ярко выраженного интереса к выбору будущей профессии. И юноши, и девушки начинают сопоставлять свои потребности, интересы и ценности со способностями и возможностями, которые, что называется, у них – «от Бога» и / или которых они самостоятельно достигли на более ранних этапах развития.

Например, уже в старших классах школы большинство из них выбирает будущую профессию, а также и следующее – после окончания школы – учебное заведение, начинают готовиться к вступительным экзаменам и / или более углубленно осваивают знакомство с интересующим предметом, специальностью или профессией.

В настоящем исследовании объектом исследования являлись 153 учащихся десятых классов обоих полов трех петербургских школ. Проблема изучения нравственного сознания данного контингента заключалась в установлении связей между уровнями развития моральных суждений и такими психологическими образованиями, как мотивы, ценности, установки подростка.

Так как возраст 14–15 лет в периодизациях разных авторовотносят к ранней юности (И.С. Кон), и к подростковому периоду (Д.Б. Эльконин), к настоящему моменту нет однозначного термина для обозначения данной выборки, поэтому мы в описании исследования будем использовать термин «подростки».

В своем исследовании мы исходили из следующих гипотез:

1. Уровни развития моральных суждений связаны со степенью сформированности мотивационной сферы: чем выше уровень развития моральных суждений, тем больше мотивов связанных, с интересами, выходящими за пределы ситуации человека, и, наоборот, чем ниже уровень развития моральных суждений, тем больше встречается эгоцентрических мотивов.

2. Уровни развития моральных суждений связаны с гендерными особенностями ценностной сферы личности подростков.

3. Подростки с более высоким уровнем развития моральных суждений обладают большей способностью понимать других людей, уровень эмпатических тенденций у них будет выше, чем у других подростков.

Существуют различия на уровне личностных черт у подростков в группах с разными уровнями развития моральных суждений.

Для изучения уровня развития моральных суждений в целях решения задачи настоящего исследования использовались: дилеммы Л. Колберга (форма А), 5-я шкала ММРІ, опросник, построенный по аналогии с методом измерения морального развития подростков «10 почему» – методика СРД – КФ (социоморальной рефлексии диагностики – краткая форма).

Для исследования мотивационной сферы применялись: «Методика изучения мотивации к успеху» Т. Элерса, «Методика мотивационной индукции» (МІМ) Ньютона (форма В, адаптированная для работы со школьниками, вар. Н.Н. Толстых). Изучение особенностей формирования ценностных ориентаций проводилось с помощью модифицированной методики «Ценностные ориентации» (М. Рокич), адаптированной А. Гоштаутасом, М.А. Семеновым, В.А. Ядовым. Для выявления личностных особенностей испытуемых использовалась методика Кеттелла (вариант С) [8; 9].

В мотивационной сфере среди мотивационных категорий, выбираемых подростками, проявились значимые различия в выборе категории «мотивация, связанная с трансцендирующими объектами» – в группе подростков, ответы которых отнесены к постконвенциональному уровню развития морального сознания, данная категория встречается чаще, чем в среднем по выборке. В группе подростков, чьи моральные суждения близки к конвенциональному уровню развития, данная категория практически не выбирается.

При рассмотрении «ценностей жизни», подростки, находящиеся на конвенциональном уровне развития моральных суждений, выше оценивают «материальную обеспеченность», чем подростки по выборке в целом, присваивая этой категории оценку 4,32 балла (из 5 возможных); в другой подгруппе, напротив, эта ценность получила наиболее низкие оценки – 2,65 балла. Среди инструментальных ценностей значимые различия прослеживаются в оценке такого качества, как «высокие запросы (высокие притязания)»: в группе, соотносимой с постконвенциональным уровнем, средние оценки этого качества существенно ниже, чем по общей выборке (2,54 балла), а во 2-й группе ребята присваивают этой категории в среднем 3 балла (из 5 возможных).

Таким образом, для юношей с более развитыми личными нравственными принципами характерны большая способность к пониманию людей, сочувствию и сопереживанию, наличие в структуре мотивации мотивационных категорий, связанных

с трансцендирующими объектами. Для суждений этого уровня характерно наделение отдельного человека значимостью и уникальностью, что создает предпосылки для построения межличностных диалогичных отношений, в которых эмпатия выступает инструментом понимания другого человека. Подросткам второй группы свойственна большая ориентация на социально-значимые ценности и низкий показатель эмпатии, что может быть связано с «договорным» характером их морали, при котором нормы группы более значимы, чем чувства конкретного человека.

Резюмируя различия между двумя группами, можно указать, что подросткам с конвенциональным уровнем развития моральных суждений больше свойственна центрированность на себе, на собственном развитии. Для подростков постконвенционального уровня скорее присуща противоположная тенденция – выход за пределы собственной личности, когда цель активности вынесена во внешний мир (выбор мотивации, связанной с трансцендирующими объектами, отвержение активности, связанной с отдыхом, развлечениями и удовольствием, отвержение мотивационной категории «аспекты личности самого субъекта», выбор активности вообще, в том числе профессиональной деятельности, учебы).

С другой стороны, складывается впечатление, что подростки, находящиеся пока на конвенциональном уровне развития моральных суждений, более «успешны», уверены в себе и лучше вписаны в свое социальное окружение, тогда как в группе подростков с постконвенциональным уровнем развития моральных суждений «вынесенность» целей и интересов вовне может быть связана с невозможностью реализовывать более близкие цели, с отверженностью в группе сверстников. И, как следствие этого, с отторжением ее ценностей, отсюда может быть и повышенная тревожность и некоторая фрустрированность мотивации этих подростков, хотя это может быть также результатом повышенной чувствительности к обратной связи окружающего мира.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Подтвердилось первоначальное предположение о наличии связи между уровнями развития моральных суждений и мотивацией подростков.

Существует положительная связь между постконвенциональным уровнем развития моральных суждений и степенью сформированности ценностной сферы личности подростка.

Подтвердилось изначальное предположение о связи между гендерными особенностями, уровнем развития моральных суждений и уровнем развития эмпатии.

Не подтвердилась гипотеза о наличии связи между уровнем развития моральных суждений и свойствами личности. Связь уровней развития моральных суждений со свойствами личности оказалась незначительной, большинство корреляций значимы лишь на уровне $\alpha = 0,05$.

Таким образом, исследование подтвердило наличие связи между уровнями развития

моральных суждений и особенностями ценностно-мотивационной сферы личности подростка. В то же время задача дальнейшего исследования состоит в определении характера выбора моральных суждений, степени его осознанности, различении

на эмпирическом материале декларативности при выборе нравственных категорий или их принятия в качестве основания поступков. Отдельным направлением является изучение онтогенеза гендерного развития моральных суждений.

1. Анциферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Л. Колберга и его школы) // Психологический журнал, 1999. Т. 20, № 3.
2. Архангельский Л.М. Ценностные ориентации и нравственное развитие личности. М.: МГУ, 1999.
3. Дубровин И.В. (Ред.) Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту. М.: Педагогика, 1987.
4. Журавлев А.Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психологический журнал, 2007. Т. 28, № 2. С. 44–54.
5. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004.
6. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
7. Крэйг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2000.
8. Методы и методики социально-педагогического исследования / Под ред. С.Г. Вершловского. СПб.: ИОВ РАО, Тускарора, 1999. 123 с.
9. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
10. Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2004.
11. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. // Избр. психол. Труды. М.: Просвещение, 1989.

ФЕДОТОВ ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ аспирант СПбГИПСР

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ИНВАЛИДАМИ, ИМЕЮЩИМИ ОТКЛОНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Проблема интеграции инвалидов, их социальной и экономической самостоятельности сегодня особенно остра в связи с резким повышением доли неработающих членов нашего общества, создающим угрозу разрушения системы социального обеспечения. Молодые инвалиды с нарушениями психического развития, с детского возраста занимавшиеся по абилитационным программам социальных служб и школ восьмого типа, в большинстве своем не работают и не живут самостоятельно, оставаясь, таким образом, социальным балластом.

Психолого-социальные методы являются главным инструментом формирования возможностей и связей, обеспечивающих интеграцию в общество людей, которые никогда в жизни не участвовали, в частности детей с врожденными или рано приобретенными ограничениями жизнедеятельности. Они используются в сфере социальной защиты населения в центрах и отделениях социальной реабилитации несовершеннолетних с ограниченными возможностями, где развитие корректируют программами бихевиористского типа с привитием социально значимых навыков и навыков простого труда.

Цель нашей работы – рассмотрение особенностей абилитационного процесса у детей, подростков и молодых инвалидов с различными

врожденными нарушениями центральной нервной системы и рекомендация мер психолого-социальной работы, корректирующих динамику статуса этой категории инвалидов и обеспечивающих их последующую социальную интеграцию.

Для выявления динамики психического и социального развития в зависимости от характера нарушений, приводящих к интеллектуальной недостаточности, были выделены три экспериментальные группы из числа воспитанников Центра социальной реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями Приморского района Санкт-Петербурга. Группы были подобраны по характеру патологий, наиболее часто встречающихся у клиентов соответствующих реабилитационных служб, по полу и по возрасту участников. Одна из групп была сформирована из детей с синдромом раннего детского аутизма (РДА), другая – из детей с синдромом Дауна (СД), в третью вошли дети с органическим поражением центральной нервной системы (ОПЦНС). Все группы занимались по одинаковым абилитационным программам. Изменения психолого-социального статуса участников отслеживались в течение пяти лет по показателям уровней развития социально-бытовых навыков, навыков работы на компьютере, креативной деятельности, специализированных форм деятельности (изобразительное искусство,